

Елена Невзорова-Кмеч
(Лодзинский университет)

**Вульгаризмы в речи польских гопников
(на примере романа Д. Масловской
*Русско-польская война под бело-красным флагом*¹)**

Роман, изданный в 2002 году и переведенный на многие языки, в том числе русский, был успешным дебютом восемнадцатилетней Дороты Масловской. Он был сразу же замечен профессиональными критиками, литераторами, обычными читателями и одновременно стал объектом дискуссий между сторонниками и противниками современной, шокирующей, главным образом, своим языком, прозы. Думается, что награды, положительные со стороны известных газетных издательств, положительные отзывы Е. Пильха, постановка спектакля по роману, внесение его в список произведений для обсуждения в комиссиях, занимающихся Единым государственным экзаменом по польскому языку, экранизация упомянутого в названии романа свидетельствует о имеющихся в нем языковых достоинствах. По мнению Е. Пильха, автор творчески препарировала обыкновенный язык, но одновременно этот язык выдуманый, хотя и возможный, поскольку он базируется на различных языковых реалиях.

В лингвистической литературе нет термина *обыкновенный язык*. „Польско-русская война..” является примером языка современной художественной литературы, который, вслед за С. Гайдой, понимается нами как „федерация функциональных языков, из которых каждый в определенной степени сохраняет свою индивидуальность, но также открыт на воздействие других функциональных языков, общеупотребительного языка, а также обслуживающих сферу повседневной коммуникации”² [Gajda 2004: 19–20]. Но этот язык отличается большой многоуровневой и многоаспектной дифференциацией. Он не относится к тем, которые поддаются легкому анализу, поскольку в нем появляются элементы различного стилистического происхождения: это язык псевдоинтеллигенции, молодежный сленг, жаргон субкультур, примитивный и вульгарный язык, разговорный и литературный язык [Wojtak 2008: 3–20]. Стиль Д. Масловской М. Рушковский, а за ним М. Войтак, определяет следующим образом: „Этот стиль, как представляется, служит полной компромитации примитивной речи, а прежде всего мышления о мире, сокрушительной критикой попкультуры и культуры потребителей, а также определенного типа человеческого менталитета” [Wojtak 2008]. Такая компиляция литературных и разговорных экспрессивных средств служат замыслу. Хотя А. Винник считает,

¹ D. Masłowska [2002], *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*, Warszawa.

² Здесь и далее перевод наш (Е. Н-К.).

что сочетание выражений, которые услышать можно у магазина с алкогольной продукцией или у дилерской лавки, с изысканными *ибо* – это „серьезная непоследовательность, и более того неоправданная”. М. Пабих, анализируя разные составляющие текста, доказывает обратное [Pabich].

Произведение написано Д. Масловской после ознакомления с историей о войне 1920-гг. Но не она становится центром описания, однако связана в общей тенденции хода мышления и состояния сознания польской учащейся молодежи, на которое откладывает отпечаток идеологическое препарирование исторических событий на уроках истории в школе и школьных пособиях. Молодые люди, не познавшие советской экспансии, не воспитанные в духе просоветской пропаганды, пропитаны тем не менее негативными эмоциями в отношении всего, что происходит из-за восточных границ. Объясняют этот факт исследования Хелены Гульды 80 – 90 гг. XX в., анализирующей в работе „Изменения отношения молодежи к некоторым жизненным ценностям” [Gulda 1990]. Она пишет, что гордостью поляков является получение и завоевание независимости в 1918 г. и победа в польско-советской войне 1920 г., а стыд приносит строительство социализма. В романе прослеживается мысль: „То, что русское, – это плохо, то, что русское, которое так или иначе касается обывателя в Польше, вызывает отрицательную реакцию”. Отношение к тому, что русское, отрицательное. В романе русский (*ruski*³) рассматривается как враг, агрессор:

(1) [...] Rozgląda się wszędzie, jakby ze wszystkich stron czaiła się armia Ruskich. Jak gdyby chcieli tu wejść i wsadzić mu między te trzęsące się szczęki wszystkie swoje ruskie fajki.

(2) [...] że tak właśnie jest, że się słyszy, że Ruscy chcą Polaków wycwanić stąd i założyć państwo ruskie, może nawet białoruskie, chcą pozamykać szkoły, urzędy, zabić w szpitalach polskie noworodki, by wyeliminować je ze społeczeństwa, nałożyć haracze i kontrybucje na produkty przemysłowe i spożywcze.

Русское ассоциируется со всеми бедами в жизни, любой неудачей. Все русское – фальш и обман:

(3) [...] Ona sama jest fałszywa, pusta wewnątrz. Pali fajkę. Kupioną od Ruskich. Fałszywą, nieważną. Zamiast nikotyны są w niej jakieś śmieci, jakieś nieznanе nikomu dragi.

Произведение не является антирусской пропагандой, противостояние – это аллегория мира средств массовой информации нынешней Польши, которые в тягостях нынешней жизни обвиняют русских, что подобно наркотику одурманивает людей. Это своего рода мания: „Вдруг ни с того, ни с сего в мире пропал цвет. Нет его”. Зато оказывается, что все дома сверху белые, а снизу – красные: „Все как есть. Бело-красное. Сверху

³ Сама лексема *ruski* имеет в польском языке иронично-негативную окраску. (см. подробнее: E. Nevzorova-Kmeh [2008], „*Ruski*” в современном польском языке, [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 6. Opis, konfrontacja, przekład*, Sarnowski M., Wysoczański W. (red.), Wrocław, s. 313–318.

вниз. Наверху польская амфа, внизу польская менструация. Наверху импортированный с польского неба польский снег, внизу польский профсоюз польских мясников и колбасников [...] больной город, спутники уже могут фотографировать его на память из космоса, паранойя". Так что это не про войну и противостояние, это про паранойю, в результате которой даже цвет поджаренных колбасок начинает символизировать национальные симпатии, вызывая тошноту у умных, девятнадцатилетних, из хороших семей [...] антиподов [...] героев [Маркова 2006].

Роман написан от имени молодых людей – гопников (*dresiarzy*⁴) – наркоманов (Сильного, Наташи, Левого, Магды и др.). События, представленные в нем, – это поиск одурманивающих средств и прием наркотиков, половой акт, разговоры в баре, смерть собаки, полицейский участок и т.д., и они перемежаются с пустотой, заполненной потоком мыслей затуманенного сознания, галлюцинациями, в которых рисуется польско-русская война. Их жизнь – это постоянная борьба с собой и с призрачным врагом, вызванная недовольством окружающим, покрытым испражнением и кровью, миром. Отсюда и агрессия и беспомощность, которые наблюдаются в их поведении, в том числе речевом. В тексте наблюдаем прерывистость в выражении мыслей, нелогичность и абсурдность суждений, что вызвано наркотиками. Амфетамин⁵, который потребляют герои, относится к группе психостимуляторов, которые ускоряют процесс мышления ([...] суждения становятся легковесными, поверхностными, менее обдуманными). Он искажает восприятие окружающего мира [Белоругов].

Частотным элементом в речи бредящих и раздраженных наркоманов являются вульгаризмы. Лингвисты разных стран обращали внимание в работах на проблему свободы на страницах современной художественной литературы (Е. Бартминьски, С. Гайда, Т. Скубалянка, А. Вильконь, М. Войтак и др.). Нецензурная брань встречается и у Я. Кохановского, В. Потоцкого, Я. А. Морштына, А. Фредро, Ю. Тувима, однако, как пишет Я. Коваликова [Kowalikowa 2008: 5], их тексты не были предназначены для ограниченного круга читателей: друзей и близких знакомых, разделяющих взгляды писателя. Это были также дневники и воспоминания А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Ц. К. Норвида, М. Конопницкой, Г. Сенкевича, которые анализировали К. Хандке, З. Буковцова, М. Куцала, В. Купишевски, Б. Лигара и др. Как пишет В. М. Мокиенко, „мат мастеров художественного слова, конечно же, несет иную «эстетическую» нагрузку, чем мат уличного пьяницы: иные функции, иная «мера в вещах», иные адресаты... Однако оторвать одно от другого невозможно” [Мокиенко, Никитина 2004: 12].

⁴ Пол. *dresiarz* (от *dres* ‘спортивный костюм’) – социально-культурный тип молодежи, который появился в Польше 90 гг. XX в. и до сих пор является актуальным явлением среди не только польской молодежи, но и до сих пор неотъемлемым элементом исследований в области социологии, лингвистики, а также к ним примыкающим наукам юридическим, экономическим и т.д.

⁵ Д. Масловская, вероятно, неслучайно выбирает для героев амфетамин. Это еще одно указание на название книги, его усиление: этот наркотик стал изначально широко применяться во время 1 мировой войны для снятия усталости и сонности у солдат.

Обсценная лексика⁶ у Д. Масловской выполняет роль создания портрета гопников, у которых вместо рта и языка „член речи” и руки и ноги в безустанной жестикуляции, без нее он был бы неправдивым, неполным. Бранная лексика используется героями романа естественно, но нельзя сказать, что у них отсутствует чувство нормы. Объем вульгарных выражений снижается в ситуации общения с властями порядка, хотя они также употребляются при выражении негативных эмоций в отношении полиции, которая, в свою очередь, не воздерживается от мата.

У дрессажей использование вульгаризмов обусловлено несколькими причинами. Во-первых, социальным происхождением этой группы молодежи – *lumpenproletariat* (*люмпен-пролетариат*). В ней матерные слова трактуются как равноправные элементы речи. Они усвоены благодаря простому подражанию речи близких людей, прежде всего, родителей [Kowalikowa 2008: 3]. Представленное поколение – это уроды, изнутри и снаружи.

(5) A więc dziecko będzie jednak brzydkie. Gorsze niż z Lewym. Genetycznie nie-normalne. Genetycznie zбочzone od urodzenia. Genetycznie bez sensu. Genetyczny skurwysyn.

Это поколение, которое интересуется секс и деньги. Чтение книг для них – абсурд, все заменяет телевидение с программами подобными „Шимон Маевский-шоу” (*Szymon Majewski – show*) и «Куба Воевудский» (*Kuba Wojewódzki*). Школа уже перестала быть авторитетом.

(6) [...] tylko robi balony i nawija je na palce. Że taką ma pracę, za co dostaje całkiem dobrą kasę i kupuje sobie za to wszystkie te szmaty, wszystkie te ruskie fajki. Mogłaby wystąpić z tym całym burdelem we *Śmiechu warte*. Arleta mówi, że mam nasrane w głowie. Żeby nie mówił to, co mówię, bo się może sprawdzić. Mówi, że jej się już tak zdarzyło parę razy. Na przykład w szkole kiedyś powiedziała: „zdechnij” do nauczycielki od przedmiotów zawodowych, i potem ona podobno wyładowała na porodówce na podtrzymaniu życia.

(7) Napisałbym więcej, żeby wzięła swoje złe przepowiednie, złe podszepty, gdyż to ona prawdopodobnie sprowokowała swoim paraprzyrodzonym pierdoleniem, swoimi zaklęciami o tej nauczycielce geografii, że Magdę złapał bardzo bolesny skurcz.

Вульгарные слова не представляют предмет табу для этой социальной группы. Обращая внимание на грамматические и фонетические ошибки, они не имеют чувства нормы в отношении этой группы слов:

(8) Pierdoli od rzeczy, a nie umie powiedzieć słońce. – Co ty gadasz? – Tak robi błędy typu: [dźwi], [zamkłaś] i [kłamem]. Ale tylko, kurwa, kiedy jest najebany (Запись, февраль 2009, Лодзь).

Они, выражая свои мысли, пользуются ограниченным словарным запасом. Поскольку вульгаризмы имеют длинный ряд синонимов и „од-

⁶ Терминологические вопросы использования терминов: мат, ругательство, вульгаризм, бранная лексика (брань), обсценная лексика, *wulgaryzm*, *przekleństwo* – рассмотрены в работах В. И. Жельвиса, В. М. Мокиенко, М. Гроховского и др.

ним словом можно передать столько смыслов, что их развернутые дефиниции составили бы целый словарь” [Мокиенко, Никитина 2004: 23], поэтому именно они составляют доминанту в речи этой группы молодежи. Слова с корнем *-pier-*, *-piz-*, *-kur-*, *-chuj-*, *-jeb-* заменяют все лексемы с почти любым значением. С помощью производных можно описать практически все. Причину же выбора этих сочетаний букв в качестве запретных невозможно рационально объяснить [Grochowski 1996: 16].

В работах лингвистов указывается, что данная лексика эмоционально окрашена. В произведении Д. Масловской их чрезмерное употребление нивелирует ее силу. Некоторые единицы (напр., *zajebisty*) утратили в сознании молодого поколения связь с языковым табу. Здесь на уровне вульгарного, как нейтрального, можно выделить лишь презрительное. Остальные единицы функционируют как „взрывоопасная норма”. Они передают чувства Сильного (Анджея Робаковского), от имени которого ведется повествование. Сильный говорит (*pierdoli*) так, как все его приятели. Он репрезентирует собой все черты молодого поколения (проявляющиеся отдельно в каждом) [Remiezowicz], является выразителем всех эмоций и мыслей современного поколения, это своего рода собирательный образ дресьяжей.

(9) Magda mówi, że ona jest raczej przeciwko Ruskim. Teraz się wkurwiam, mówię: [...]

(10) Jestem dość zdenerwowany. [...] Głównie jednak chodzi o tę nogę, gdyż skurcz jest potężny i robi przerzuty. Ortopeda mi mówi, żebym wyszedł na okres badania, o co się podkurwiam dość, gdyż

„Выражение эмоций через мимику, пантомиму, тон голоса и жесты выполняют важную коммуникативную функцию в передаче нашего эмоционального состояния другим людям” [Lewinson 1998: 113]. Но окружение Сильного не анализирует его высказываний, никто не задумывается над их смыслом. Сами слова становятся ничего не значащими знаками. Этот эффект усиливают метаязыковые элементы, из которых наиболее частотным является *kurwa* [Ożóg 1990]. Слова-паразиты играют роль заполненной паузы, остальные функции текста во время их произнесения сведены до нуля [Ożóg 1990: 12].

(11) Ja mówię, że o co wtedy kurwa chodzi.

Ругательства – это социальный маркер, характерный для социолекта дресьяжей. Без их использования человек – изгой для дресьяжей. Это маркер, по которому распознаются свои, магическое заклятие, втягивающее молодежь в агрессию в отношении морали остальной части общества. Это средство обычного повседневного общения, где вульгаризмы используются неосознанно. Представленное в романе же аморальная, дегенерированная группа нарушила иерархию ценностей, подняв наверх низкое и низменное. Закрепившиеся в сознании ее представителей „плохие” слова

лишь усиливают разрушительный процесс, как писали Пауэлл: „отношение создает сценарий” [цит. по Голев 2000].

Библиография

- Gajda S. [2002], *Język w przestrzeni społecznej*, Opole.
- Gajda S. [2004], *Wielojęzyczność w perspektywie stylistycznej*, [w:] *Wielojęzyczność w perspektywie stylistyki i poetyki*, Ruskowski M. (red.), Kielce.
- Gulda H. [1990], *Zmiany postaw młodzieży wobec niektórych wartości życiowych*, Gdańsk.
- Grochowski M. [1996], *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*, Warszawa.
- Kisiel P. [1992], *Etykieta językowa a wzory kultury*, „Język a kultura. Polska etykieta językowa”, Anusiewicz J., Marcjanik M. (red.), z. 6, Wrocław, s. 9–14.
- Kowalikowa J. [2008], *O wulgaryzmach w świadomości językowej młodzieży*, „Poradnik Językowy”, z. 2, s. 3–12.
- Lebda R. [2002], *Potoczność jako mowa bytu*, [w:] *Język w przestrzeni społecznej*, Gajda S., Rymut K., Żydek-Bednarczyk U. (red.), Opole, s. 151–156.
- Lewinson R. W. [1998], *Funkcjonalne podejście do ludzkich emocji*, [w:] *Natura emocji. Podstawowe zagadnienia*, Ekman P., Davidson R. J. (red.), Gdańsk, s. 112–115.
- Ożóg K. [1990], *Leksykon metajęzykowy współczesnej polszczyzny mówionej. Wybrane zagadnienia*, Kraków.
- Pabich M., *Ład utracony – o języku w WOJNIE POLSKO-RUSKIEJ* Doroty Mastowskiej, <http://www.sknj.ifp.uni.wroc.pl/publikacje/b11.pdf>
- Pęczak M. [2004], *Bluzg mowa plugawa*, „Ergo”, nr 1, s. 26–28.
- Remiezowicz E., *Naćpany telewizor*, „Esensja” <http://esensja.pl/ksiazka/recenzje/tekst.html?id=968>
- Umińska-Tytoń E. [2001], *Słownictwo polszczyzny potocznej XIX w.*, Łódź.
- Wojtak M. [2008], *Język artystyczny – podstawowe zakresy i przejawy*, „Poradnik Językowy”, z. 4, s. 3–20.
- Белогуров С. Популярно о наркотиках и наркоманиях, http://www.narkotiki.ru/expert_75.html
- Голев Д. [2000], *Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема*, „Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии”, Барнаул, <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm>.
- Жельвис В. И. [2008], «Грубость»: проблемы классификации лексики, [w:] *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею проф. А. М. Мелерович*, Москва–Кострома, s. 71–76.
- Маркова Д. [2006], *За иллюминатором*, „Знамя”, № 1, <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/>
- Мокиенко В. М. [1994], *Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное*, [w:] *Russistik*, № 1–2, s. 50–73.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. [2004], *Словарь русской брани*, Санкт-Петербург.
- Шарифулин Б. Я., *Обценная лексика: терминологические заметки*, http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0070226.pdf

Summary

Elena Nevzorova-Kmеч

Vulgarisms in the speech of the Polish members of a gang (on the material of D. Maslovska's novel "Polish-Russian war under the white-red flag")

The paper presents several actual problems, among which is the style of belles-lettres works of modern writers. However, the primary aim is to present the functioning of vulgarisms in colloquial speech. In this paper we concentrate on the way in which vulgar words are used and the causes of their occurrence. The Polish colloquial language is an example of language development, observed also in other Slavic languages. We can notice the vulgarization of language. It is obvious that not everyone uses vulgar words, but when it happens we are usually aware of reasons of their usage in speech, for example emotional state of a speaker, his or her behaviour, education and a stratum of society, which he or she chooses to belong to. The Maslovska's novel shows the life of Polish drug addicts, members of a gang, their interests and goals. For the creation of hero's images the author uses some language tools and she does not hesitate to put vulgarisms into the heroes' mouth. Thanks to this trick they look realistically. This novel confirms some linguistic theories about usage of vulgar words.